

СЕРГЕЙ ТЕРЕЩУК

МАГАЗИН НАТИПКОВ

неприятные рассказы



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Терещук

Магазин натипков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61104851

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03784-7

Аннотация

В этой книге неделя жизни. Неделя жизни обывателя. Обывателя, затерянного во времени и пространстве. Один день – один рассказ. Просто раздумья вслух человека, стоящего за прилавком маленького магазина разливных напитков. Все, чем спасает себя мозг в течение дня, чтобы не кануть в темноту небытия. Каждая страница – оттиск его переживаний на бумаге. Каждая строка – нить, по которой он пытается выйти из лабиринта. А что делаете вы? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Я просыпаюсь по будильнику...	5
С – Коты и С – Кошки	10
История первая. Любовная	13
История вторая. Романтическая	21
История третья. Дружеская	35
История четвертая. Семейная	46
Чай в пакетике	56
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Магазин натипков

Неприятные рассказы

Сергей Терещук

Дизайнер обложки Сергей Терещук

Фотограф Сергей Терещук

© Сергей Терещук, 2020

© Сергей Терещук, дизайн обложки, 2020

© Сергей Терещук, фотографии, 2020

ISBN 978-5-4498-0821-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я просыпаюсь по будильнику...

Вместо предисловия

Я просыпаюсь по будильнику в 8.30 утра. Почему именно в 8.30? Не знаю! Хотя, почему не знаю. Если я проснусь в 9.00, меня начинает грызть совесть: «Чего так поздно проснулся?» Очень сварливая она у меня, гадина. И настроение на весь день в трубочку и в... сами знаете куда. А раньше вставать мне резону нет. Не за чем, попросту говоря. На работу мне к 11.00. Куда же спешить? Это прежде я вставал в 6.00, а то и раньше, и мчался на другой конец Москвы или вообще в область, в тьмутаракань тараканьскую, за каким-то, хрен его побери, не пойми чего. Работа такая... Была... Теперь я сам себе по себе, потому что, в том качестве я сейчас никому не нужен... Но не будем о грустном!

Короче, 8.30, и все тут! Подъем! В доме никого! Только я и кот. Все, что осталось от прежней счастливой жизни... И сегодня первый день. Не хочу говорить об этом. Пусть будет так, как всегда... словно ничего не произошло... Или как будто так оно и было... Итак, кот. Степан. Когда мы с ним наедине, он сидит под кроватью... Потом поймете почему... Водные процедуры. Мои конечно. Не Степана же. Завтрак. Тоже мой. Моя чашка кофе... Не просто чашка кофе, а именно моя. Не абы какая. Белая. Из слегка шершаво-

го фарфора, или фаянса, или... да хрен его знает из чего! Я не стеклодув же! Слегка шершавая она, значит. Как бочонок с ручкой. А еще с боку какие-то иероглифы. Я, правда, не вдавался в подробности, чего там нарисовано. Надеюсь, не матерное! Хотя какая разница, среди моих знакомых самураев нет. В общем, никто эту чашку, кроме меня, не трогает. Даже не моют, чтобы не дай бог чего. Хотя я не псих ненормальный, но что-то маниакальное в этом есть. Но оно никому жить не мешает... Так тихонечко сидит себе внутри, ну и ладно!.. А у вас, что? Ничего такого нет? Да ладно! А если честно?.. Хотя чего я к вам пристал?

Ну, значит, моя кружка кофе. Заварного. Это принципиально! Потому что этот перемолотый мусор вперемешку со свеклой в виде гранул я не пью! Изжога потом весь день мучает! Хотя с желудком у меня нормально все, а вот на эту растворимую бурду реакция однозначная! Изжога!

Наливаю я себе пол кружки! Не больше и не меньше! Именно столько мне нужно для полного удовлетворения утром! И пол чайной ложки сахара... Чего-то задумался я сейчас. Может, мне и правда к мозгоправу обратиться... А то все это кофепитие на паранойю похоже. С котами еще не ладно... Но об этом позже.

Выпиваю я кофе. Выхожу из дома. И сажусь в старенький простуженный «Опель», но очень милый моему сердцу и удобный моему задку. Да, я так сказал. А чего стесняться? Или вы любите ездить, когда вам не удобно? Вот и я

о том же... Машин было много разных. И больших, и маленьких. И дорогих, и не очень. Но вот этот как-то оказался ближе всех к телу и по карману. В общем, всем пришелся «Опелёк».

Ключ проворачиваясь в замке зажигания, по всей видимости, задевает какие-то очень чувствительные нервные окончания в организме немолодого авто, потому что он вздрагивает, сбрасывая сон, и несколько раз чихает. Почему я и сказал, что он простуженный. Причем хронически. Несмотря на погоду и время года.

Ехать мне не долго. Если бы не светофоры, доезжал бы за десять минут. А так за двадцать... Разница-то небольшая, но когда ты тормозишь на каждом перекрестке, это кого хочешь выбесит. Даже автошку моего, и то колотит от бешенства на светофорах. Не любит он стоять. Его бы воля, он педаль тормоза ампутировал себе совсем. Его стихия – это езда со скоростью 60, ну, максимум 70 километров в час. Так бы ехал себе и ехал. А вот эти старт-стоп раздражают. Состояние неопределенности. Поэтому он брыкается, когда я нажимаю педаль тормоза и когда нажимаю педаль газа. Скорее всего, это нервное... У него. У него, конечно! Я сказал: «У НЕГО»! Чего не понятного в слове «У НЕГО»? Или это два слова?.. Да какая, карбюратор его возьми, разница???

И так в слегка взведенном состоянии мы приезжаем к магазину. Да! Около одиннадцати часов утра я открываю дверь магазина разливных напитков своим ключом и захожу

внутри. Потому что я тут работаю. В магазине. Продаю разливные и не очень напитки и закуски к ним. Вот такое у меня сейчас занятие.

Включаю холодильники, свет, кассовый аппарат. Раскладываю рыбу на витрине. Вобла, камбала, чехонь, сиг, лещ, пелядь... Я их знаю всех в лицо... Или что там у этих вяленых зверюг? Открываю вентиль на баллоне с газом в подсобке, где хранятся кеги с пивом и прочими безалкогольными напитками.... И, собственно, все! Магазин готов к работе. С одиннадцати до двадцати трех вы можете прийти и унести с собой волшебного напитка в пластиковой бутылке, прихватив по желанию рыбы или продукта обработки водоплавающих, или прямо тут за небольшой стойкой насладиться общением, если вы не один, или тишиной, в одиночестве запиная философское течение мысли густым пенным напитком янтарного цвета... Конечно, можно поговорить и со мной и даже излить мне душу... А куда же я денусь с подводной лодки? Хотя я-то не особо разговорчив, но могу слушать бесконечно долго. А вот моя сменщица, та да. Она может говорить столько, сколько вы сможете унести с собой, и даже больше. Когда у нее спрашивают покупатели:

– А пиво у вас не испорченное?

– Единственное, что в этом магазине испорченное, это я! Все остальное свежее! – отвечает она и берет в руки пустую литрушку с готовностью наполнить ее вашими мечтами о прекрасном и закупорить пластиковой крышкой наглухо.

Вот так она шутит. Она продаст вам то, что давно прошло несколько стадий реинкарнации, забыв обо всех сроках своей же годности, и еще сверху нальет. Даже если вы собирались взять только литр, то уйдете с тремя. Я завидую ее умению янтарно-пенной завистью.

Сегодня понедельник. Тяжелый день. С утра, как правило, никого. Народ или работает, или опохмеляется. Но все это не у нас. Работаю тут я один. А за опохмелом к нам не ходят...

Стою себе, протираю краны, или, как их называют профессионалы, пеногасители, и слышу за спиной шорох. Оборачиваюсь... Никого! Возвращаюсь к своему занятию... Опять какое-то движение... Оборачиваюсь... Пусто! Неужели утренние галюны? И тут я слышу:

– Мау... – именно «мау», а не какое-нибудь там привычное «мяу»...

То ли иностранец, то ли просто маргинал.

Такое хриплое, тоскливое и... сууу... гадина, НАГЛОЕ!

Выхожу из-за прилавка в зал и вижу эту животину, сидящую под витриной-холодильником с рыбой. Оно (животное это) поворачивает на меня свои зеленые, полные, как положено, горя зенки и маукает еще раз! Тут меня и накрыло... Почему? Почему именно в этот день? И именно это серо-бело-буро-коричневое животное?

Спросите меня, чего так я взвился... А вот чего!

С – Коты и С – Кошки

Понедельник

С кошками у меня сложились натянутые отношения. Точнее сказать, не сложились, не натянутые, не отношения. Я их не люблю, но терплю. Они мне отвечают взаимностью. Куда бы я ни пришел, я попадаю на их территорию. Но так как под шкафы и кровати я не помещаюсь, да и прятаться я туда не собираюсь... С какого, спрашивается?! То, соответственно, это приходится делать им. Этим с... котам и кошкам. Они же в душе или, точнее сказать, в своем мозжечке, львы, бл... ть, все и тигры. Они тут в своем ареале. А я пришел, видите ли, и хожу где мне вздумается. Еще того гляди, корм их сожру из миски и в туалет нагадю... или нагажу, что, в принципе, сути не меняет. У них же это на уровне инстинкта. Это мы, люди, а в основном почему-то женщины, наделяем их человеческими эмоциями и чувствами. А я вам скажу, нет там Н И Х Р Е Н А! Слышали? Там, в этой коробочке с мизерным содержанием мозга, только инстинкты... Они, эти кошачьи, дрессировке не поддаются. И воспринимается это как независимость. Может, именно это прельщает женщин и, типа, роднит с этими созданиями? Только поймите, это выглядит как независимость, на самом деле, это просто тупость... Вы же не такие? Девушки! Ау! Не такие же вы? Я

вас спрашиваю... Чего вы обижаетесь?

Ну, скажите мне, какое здравомыслящее животное будет бросаться из засады на человека, который его кормит? Какое? И в кровь раздирать руки-ноги! Какое? Скажите, люди так поступают? Нож в спину, предательство и все такое? Так это же сознательно у нас делается, у людей! А я про животных говорю.

Может, кто помнит историю про семью Берберовых. Жили они во времена Советского Союза. На весь мир известные. Их первый лев Кинг I снимался в фильме «Приключения итальянцев в России». На съемочной площадке его и пристрелил милиционер, когда этот зверюга набросился на прохожего. Так Берберовых это не остановило. Они завели второго льва, Кинга II. и еще у них пума была. Так вот, эти киски подрали свою хозяйку и загрызли ее сына. Нормально? А? Ничего не напоминает поведение такое? Хвостато притырошное! А вы обижаетесь на меня, что я кошек не люблю. Были бы эти твари побольше в размерах, хана нам всем бы пришла. Слава создателю, что не наделил он их умом, а то бы они давно уже сговорились и устроили нам сладкую жизнь. Что опять же доказывает их... что? Правильно, мягко говоря, несмышленость.

Скажите, это только у меня так или у всех? Всякий раз, когда я знакомлюсь с какой-нибудь девушкой, то впоследствии оказывается, что у нее есть эта животинка. Почему, скажите, пожалуйста, именно кот или кошка? Почему не собака? Хо-

мячок? Попугайчик? Да хоть крокодил, едрена батона! Нет! Именно кошак какой-нибудь. Дошло до того, что после вопроса «Как вас зовут, девушка?», я стал спрашивать «А у вас кошка есть?» Нет? Тогда продолжаем разговор. А по неопытности столько всяких ситуаций было...

Так вот и хотел я поделиться своими историями, связанными с домашними котами и кошками.

История первая. Любовная

Учились мы с ней на параллельных курсах. Скромная. Тихая. Красивая. Умная. Отличница! Когда начали встречаться, она меня пирогами подкармливала. А когда оказалось, что это она сама делает, так у меня вообще всякие вопросы отпали.

– Давай жить вместе! – предложил я, и она согласилась.

– Только у меня кот есть. Ничего?

– Ничего... Как звать?

– Федор!

– Смешно! Пусть будет Федя...

Я-то тогда не знал, чем это чревато, и согласился. Подумаешь, кот какой-то. Что я, с котом не справлюсь? Молодой и сильный. А оказалось-то все наоборот... Ну, обо всем по порядку.

Переехали они ко мне в квартиру. И места сразу стало меньше. Гораздо. Причем большая часть оттяпанного пространства приходилось на долю этого Федора. Нет, он не был огромным. Так, худой дворняжка, серо-полосатого окраса. Небольшого размера. Но стала эта сволочь спать на моем кресле. Одним единственным в квартире. Причем на все мои просьбы освободить его, этот Федор чихать хотел. Я тогда еще пробовал общаться с ними. Тоже по наивности думал, что они умные.

Так вот, кресло он у меня отнял. Лоток его в ванной комнате занял больше места, чем сама ванная. Если учитывать размеры наших квартир, то, чтобы добраться до умывальника, я всякий раз, рискуя вступить в кошачье сами знаете что, исполнял акробатические трюки. На кухне появилось две миски с едой и водой. Они-то были само по себе небольшие... Но и кухни, едрена батона, тоже были не гигантские. Два человека и холодильник «Минск». Вот и вся вместительность. А тут еще и две миски. Скажете, так они же в углу, наверно! Типа, чего я до кота докопался... А вот хрена вам в углу. Федор обожал жрать по ночам. Виделось ему, что он, сученыш, ночной охотник. Ладно шум среди ночи, от которого я вздрагивал всякий раз, когда он нападал на свои миски. Так он еще загонял их в совершенно неожиданные места. Раскидав при этом вокруг еду и разлив воду. И вот встаешь ты утром от кошачьего «мяу», потому что этот дебил есть хочет, а еду-то он свою разбросал по всей квартире. И отправляешься на кухню (что же с ним делать?), чтобы его покормить. Девушку будить как-то не по-джентельменски будет. И вот ты такой сонный и уже немного недовольный идешь себе, идешь. И неожиданно наступаешь в лужу воды... или в тушенку, которую этот с... кот расшвырял в угаре ночной охоты. Отступаешь в сторону, тихонечко матерясь, чтобы опять же ж не разбудить даму, и наступаешь на миску. Я раз так навернулся, что чудом жив остался. Голова в миллиметре от угла чугунной ванны пролетела.

А знаете, что происходило, когда девушка вставала первой?

– Феденька, хорошенький мой, пушистик. Умничка, поохотился. Голодненький мой. Ничего, сейчас мамочка тебя покормит...

Бл... ть, вот скажите мне, если этот хищник охотился всю ночь, то почему он голодный? Где логика? Что он со своей добычей сделал? Пожертвовал богу линолеума? Раздал детишкам своим? Так нет же никого, кроме него и нас. Меня он тоже не угощал среди ночи.

И почему она ему мамочка? С какого акушерского казуса? Почему все женщины называют себя мамочками по отношению к этим зверюгам? Если у котов год за наших тринадцать считается... То через три года она ему уже доченька...

– Иди, покушай! Сейчас доченька тебя накормит...

Так что ли? Извращенство какое-то...

Спросите, чего же я терпел? Нравилось мне с ней очень. Может, даже любил ее...

В общем, стал я этого Феденьку иногда легонько пинать. Слегка. И перестал вставать к нему. И с кресла он тоже отправлялся куда подальше. Мое это кресло. И я хочу на нем сидеть. Хоть и слышал всякий раз в свой адрес бурчание:

– Кресло ему жалко... Иди ко мне, Феденька, я тебя пожалею...

Его, значит, она пожалеет, а меня кто? Вот и стал я сам себя жалеть. Перестал вообще ухаживать за котом... И зна-

ете, что произошло?

Посередине гостиной лежал ковер. Обычный ковер. Шерстяной. Настоящий. И вот решил я выйти на балкон. И наступил на что-то мягкое под ковром. Чего это, думаю. Носок что ль туда попал? Откидываю угол ковра. А там кошачье дерьмо. Такая аккуратная кучка.

– Дорогая, иди посмотри, что твой Феденька учудил...

Феденька в этот момент лежал на диване и вдруг шмыг на кухню. Почуял запах агрессии. Вы же знаете, что мы выделяем запахи, которые животные чувствуют. Страх, агрессия, слабость, зависимость, покорность, ну и прочее. Намто обязательно еще и словами это друг другу объяснить надо. А они-то на расстоянии это ощущают. Рефлексами и инстинктами живут. Это мы себе там чего-то в голове придумываем. Хотя порой хочется спросить: Н А Ф И Г А???

Так вот, подходит девушка ко мне, держит на руках кота, поглаживает его и спрашивает:

– Чего он учудил? Опять к нему придираешься...

– Нагадил под ковер... – говорю я ей.

А эта мохнатая гадость лежит у нее на руках и мурлычет. Чихать он на меня хотел. Это его квартира и его мамочка. А я вообще тут не пришей коту копыта. Я-то думал, что хоть куча дерьма произведет на нее впечатление. А она знаете, что?

– Бедный котик. Лоток, наверно, у него полный. Чистюля ты наш!

И прямо под хвостик готова его зацеловать.

– Вот видишь, что бывает, когда вовремя лоток не почистить...

Это она уже мне! То есть, это получается, что я виноват в произошедшем! Это получается, что по моей вине этот Федор заминировал ковер... Во, дела!..

Подумал я, подумал. И решил. Буду убирать его лоток. Но на кресло не пушу. Все-таки не мы, а они нас дрессируют. Но через день я опять наступил на его мину в том же самом месте. Тут я не выдержал и погнался за ним. Благо, дома только я да он были. Зверюги эти, конечно, проворные. И шустрые. Не удалось его поймать. Но напугал я его здорово. Потому как просидел он под кроватью до вечера. Пока девушка не пришла. А как услышал звук ключа в замке, тут как тут оказался. У ног ее трется. Как ни в чем не бывало. А ему-то и в самом деле до хвоста облезлого все эти дела. Это человек бы бочком ходил с виноватым лицом. А у них морда вообще ничего не выражает.

– Здравствуй, мой Феденька. Мой хорошенький. Мамочка домой пришла....

Он, значит, Феденька, а мне вообще слова не сказала. И чего-то как-то обидно мне стало... Чего же это происходит-то? А? Или я это себе надумал все?

Пару дней прошло без эксцессов. И то потому, что я допоздна в институте был. А она дома с ним вдвоем. Настала суббота. Все как обычно. Федор голодный орет. Она встает. Я продолжаю спать. Хотя какой к лешему сон? Злость во мне

закипает...

– Феденька, сейчас мамочка тебя покормит...

Чтоб он подавился!!!

Встаю я, значит. Умываюсь. Иду на балкон за футболкой, которая там сохнет, и наступаю опять на кучку под ковром. Теплую!!! Это значит, он только что туда ее спрятал и прилег на кресло отдохнуть. Я ни слова не говоря рву к нему. Заношу руку. Длань карающая. Он видит меня. Спрыгивает с кресла. И, прохрипев что-то типа резкого «ме», замирает на ковре, вытянувшись в струнку и распушив хвост. Как будто сдох. На шум из кухни вбегает она. И застаёт такую картину. Я с поднятой рукой посреди комнаты, а у моих ногдохлый кот.

Что тут началось!

– Ах ты изверг. Ты кота убил! Ты фашист...

– Дорогая, я его не тронул!

– Почему же он сдох тогда? Ты никого не любишь! Только кресло свое.

– Дорогая, но я...

– Хватит! Если тебе не нравится, что мы живем в твоей квартире, переедем в наш дом.

Надо сказать, что ее семья жила на окраине города в частном доме. Но не это важно. А то, что эта скотина поднялся. Потянулся. Заурчал и стал тереться об ее ноги. Не знаю, что уж он там учуял своим носом. Но только я был в шоке. Будто он действительно понимает, о чем мы говорим.

– Дорогая, я же говорю, он живой.

– Конечно, живой, мой Феденька. А только ты его мучаешь! Мы переезжаем. Если хочешь, можешь с нами.

Вот такие кренделя! Это я его мучаю!!!

Но дело у нас шло к свадьбе. Как никак. Вопреки всем стараниям Федора. А там все-таки сад, огород. Родная стихия... И мы переехали. Все втроем, естественно.

Вот тут, на своей территории, у него обнаружилась одна особенность. Точнее, еще один заскок в его кошачьем мозге размером с грецкий орех. Можете представить мысли грецкого ореха? В мозге Федора даже этих не было...

На улице лето. Казалось бы – гуляй себе не хочу... Но нет! Он на страже. Дома кроме нас никого. Родители на работе. Мы молодые, горячие. Но как только начинаются зажимашки-целовашки, эта облезлая ушанка запрыгивает мне на спину или на голову... сами понимаете, тут уже ни до чего дела нет...

Надоело это не только мне, но, наконец, и девушке. Выставили его на улицу. Мы в спальню. А он на крышу. Мы обнимашки-целовашки. А этот хвостатый растопырился над окном. Задними лапами на водосточный желоб встал, передними на ставни, и орет истерически. Это же какие нервы должны быть, чтобы такое вынести. Я бросаюсь к подоконнику. Но не успеваю. Этот альпинист срывается вниз. Пролетает мимо окна. И внизу раздается уже знакомое «ме». Девушка бежит на улицу. Я за ней...

Видать, как-то неудачно он упал. Когда я прибыл на место падения, она уже плакала над его бездыханным телом. Тут меня понесло.

– Интересно, а ты плакала бы над моей исцарапанной в кровь спиной? Или над моим отгрызенным носом? А? Плакала? Если бы он мне ночью горло перегрыз? Или ты бы меня всего ему по кусочкам скормила... Он даже не поперхнулся бы...

Но я не договорил всего, что у меня накопело. Она выпрямилась. И, утерев слезы, сказала:

– Убирайся! Видеть тебя не хочу. Это он из-за тебя погиб!

Нормально, да? Из-за меня... Погиб... Пал смертью храбрых... Подвиг, что ли, какой совершил? Из-за кота выгнать живого человека.

Я шел до остановки и думал: «А может, оно и к лучшему. Ведь она же, наверняка, еще кота себе завела бы... А этот Федор... Может, он просто не выдержал страданий и таким образом решил покончить со своей девятой кошачьей жизнью? Решил? Не выдержал? О чем я вообще?.. Свалился, и все тут! Аминь!»

История вторая. Романтическая

На самом деле историй-то было гораздо больше. Просто я самые яркие рассказываю. Мелочи типа кошки на капоте авто вообще не в счет... На днях как раз было. Запарковался в незнакомом дворе. Пошел по делу. Возвращаюсь и вижу картину. Сидит на капоте моего «опелька» ободранная горжетка в рыже-пепельных пятнах и мусолит куриную лапку. Да так увлечена своим столованием, что ничего вокруг не замечает. Я думаю: «Сейчас подкрадусь к ней и кааааак...!»

Но не тут-то было. Из-за машины вырастает бабушка... такая же, как эта кошка.

– А что это вы делаете? – взвизгивает она. – Это моя кошка!

– А это моя машина!

Тут кошка увидела надвигающегося меня и решила дать стрекача. Пробуксовав при резком старте, она оставила на капоте следы от когтей... Во мне взорвался Везувий.

– Ах ты ж, су...

Но ультразвуковой вопль бабули «Не смейте обижать мою кошечку!» парализовал деятельность моей нервной системы, пронзив меня навывлет. Злость и желание догнать животное со свистом покидали мое тело, оставляя только чувство вселенской несправедливости. Кошка убегала вдаль. Я беспомощно рассматривал следы когтей на лакокрасочном

покрытии моего старого друга. Бабушка продолжала причитывать:

– Мусинька, вернись! Этой злой человек ничего тебе не сделает! Муся-ааа! Я на вас в милицию пожалуюсь!

– Но это же моя машина...

– А это наш двор! И мы тут живем!

Да! Это был аргумент! В пользу бригады из психушки... Я сел на моего израненного Росинанта и ускакал прочь от этой старой ветряной мельницы. Но я не про это хотел рассказать.

Свела меня судьба с одной дамой. Именно дамой! Это я не для красного словца. Два высших образования. Родословная... тьфу ты, в смысле, интеллигентная семья. Воспитание дипломатическое. Папа у нее послом был... В Африке где-то. Квартира с видом на Кремль. Ну, и все такое. В общем, конечно, девушка, но... дама! Долго мы встречались с ней, по паркам да набережным там всяким... Целых четыре раза. И то ради спортивного интереса. Сколько выдержу? Благо лето было... В другое время года меня так надолго не хватило бы. Все как-то гладко складывалось. Общение на высшем уровне. Цветы. Мороженное. Стихи... Она читала. А я благодарный слушатель. Стихов наизусть не знаю, но слушать могу без конца, только бы ей хорошо было.

И вот наконец пригласила эта дама меня в гости. Планов у меня на ее счет определенных не было. И неопределенных тоже... Просто было какое-то затишье по всем личным фронтам. Так что, надраив себя до медного блеска, я пред-

стал перед охранником в подъезде ее дома, с цветами и тортом.

– Вы куда?

– Квартира 154.

– К кому?

– К Тамаре...

– К какой?

Вот же ж, едрена батона. А отчество-то я ее и не знаю.

– А что, там несколько Тamar проживает?

– Нет! Положено, вот я и спрашиваю... – ответил мне, скорее всего, капитан второго ранга в отставке. И подмигнул, подкручивая свои рыжие усы.

– Что в коробке?

– Торг... Марку и производителя называть?

– Отставить шутить...

Чего-то меня так это завело, что остановиться я уже не мог.

– А в цветах пестики и тычинки. Осматривать будете?

– Молодой человек, у нас режимный объект...

И тут, на его счастье, из лифта вышла сама Тамара.

– Я смотрю, вас долго нет... Так и поняла, что охрана задержала... Глеб Тимофеевич, это ко мне!

– Ну, раз к вам, Тамара Елисеевна, то пусть проходит! Только хочу предупредить, что тип очень подозрительный!

– Ну что вы! Просто он шутить любит...

– Плавали, знаем мы таких шутников. Проходите.

Но помните! Я на вахте!

– Спасибо, Глеб Тимофеевич. Идемте же, Сергей!

Я гордо прошел под неодобрительным взглядом капвторанга. И мы с Тамарой загрузились в лифт... В лифте я торжественно вручил цветы и торт... Самое удобное место! Согласны? Она погрузила свое личико в букет, вдыхая аромат роз без запаха. И в таком положении мы поднялись на седьмой этаж.

Коридор Тамары, ну, в смысле ее квартиры, был размером со все мое жилище. Я зашел и потерялся. Пока пытался сориентироваться, куда ведут все эти тыщамиллион дверей, Тамара уже куда-то исчезла! Это что, такая игра? Ну уж нет! Для игры в прятки или «угадай, за какой дверью клад» настроение у меня было слишком возвышенное. Ну, то есть совершенно не легкомысленное. Да еще, как назло, не прихватил сегодня ни мелка, ни нити Ариадны. Я решил, что не буду заглядывать во все двери, а просто дождусь, когда Тамара заметит мое исчезновение.

Тамара заметила. Спустя пять минут. Я разглядывал фигурку черного африканского молодца с огромным... инструментом, стоящую прямо у входа в квартиру, наверно, оберег такой, когда услышал ее голос:

– Сергей, ну где же вы?

Я обернулся. Из какой двери прозвучал ее своевременный вопрос? Было не понятно! Со стен смотрели издевающиеся маски. Как бы это ни было стыдно, но надо признаться...

– Я потерялся, Тамара!!! Ау!!!

Из двери прямо напротив меня появилась хозяйка.

– Не отчаивайтесь! Тут многие теряются...

– Да? А всех потом находят?

– Кого нужно, того находят...

– Это обнадеживает! Если вы вышли ко мне, значит, я вам нужен?

Я пошутил... А ее щеки заалели. Едрен батон, ляпнул лишнего. Надо было что-то делать с этой неловкой паузой, повисшей посреди коридора. Африканские маски глядели на меня недоверчиво и даже с укором. А стоящий у дверей эбонитовый парень с отбойным инструментом угрожающе следил за каждой моей мыслью.

– Тамара, чтобы я не запутался, для начала скажите мне только, где ванная комната! Про остальные пока ни слова. Я не запомню. Ещё не дай бог в спальню попаду...

Тьфу ты, чёрт, она опять покраснела... Может, мне лучше помолчать?

– Ванная комната – дверь справа. А жду я вас в гостиной, которая располагается за моей спиной. Вы справитесь, или мне вас подождать?

– Справлюсь!

Я прошел в ванную... Которая вся оказалась зеркальной. Стены, потолок и даже пол. И вот, очутившись наедине с тысячами самого себя, в зеркалах я увидел не то, что обычно, а дурацкие лица, которые всем своим видом кричали:

– Какого лешего мы сюда явились???

Не в смысле в ванную... А вообще сюда. В эту квартиру.

Прогуливаясь с Тamarой по набережным и паркам, я гнал от себя эти вопросы: «Зачем?», «Для чего?», «Что дальше?» Маячившие ответы загонял в самые темные уголки сознания. А изредка просыпавшуюся совесть успокаивал невинностью происходящего:

– А что такое? Мы ведь всего-навсего гуляем...

– Но ты ведь понимаешь, что она не просто так тратит на тебя свое время! – говорила мне совесть.

– Правда? Ой! А для чего? – прикидывался я наивным дитя.

– Она никогда не была замужем и при этом ей за тридцать... Может, ты включишь остатки своего серого вещества...

– Да, ну ладно! Неужели ты хочешь сказать, что она надеется на замужество???

– Ну, а на что же еще? Что от тебя, дурака, еще получить можно, кроме штампа в паспорте и статуса замужней женщины...

– Так! Все! Хватит этих домыслов. Следи лучше за помытой посудой и выброшенным мусором! Пыль второй месяц не протиралась...

Так я отвечал своей совести и заваливал ее ворохом всякой бытовой мелочевки.

А сейчас, в этой самой ванной комнате размером с Дворец

Съездов, она набросилась на меня со всех сторон. Окружила, взяла в плен и стала допрашивать:

– ЗАЧЕМ ТЫ ЗДЕСЬ?

Да... Зачем? Я стоял посреди ванной и рассматривал себя со всех сторон. Снизу. Сверху. Справа. Слева. Спереди. Было одно и то же. Куда бы я ни смотрел, отовсюду моими глазами пялилась на меня Неопределенность и Кромешная пустота. Только назад мне посмотреть не удавалось. Я оборачивался... и опять видел тоже бессмысленное выражение моего лица. Миллиарды отражений моей глупости, уходящей в бесконечность переотражений. А что же там, позади? Так и оставалось тайной. Быть может, как раз в этом и крылся ответ? У меня за спиной? Ответ на вопрос: «Почему я здесь?»

Включив воду в кране над раковиной, я стал расхаживать по зеркальному кафелю, чувствуя, как во мне закипает злость на самого себя. Меня раздражали очевидность вопросов и полное отсутствие рациональных ответов здравомыслящего существа, то есть меня. Продолжая исследовать необъятность ванной комнаты, за корзиной для белья я обнаружил кучу какого-то белого меха, скорее всего, кроличьего.

– Едрена батона, какого лешего это тут делает?

И пнул со злости так, что куча улетела под зеркальную ванну, стоящую на позолоченных львиных лапах.

Надо было уже наконец выбираться из этой зеркальной шкатулки... В дверь тихонечко постучали.

– Сергей, у вас все в порядке? Вы как-то долго?

– Я обычно так тщательно руки мою!

– Двадцать минут???

– Бывает и дольше... С детства приучили. Когда с улицы прихожу.

Мы продолжали общаться через закрытую дверь. Но так как она тоже была зеркальной, то я общался сам с собой, только ее голосом. Получалось чревовещание какое-то. Или мое альтер эго – женского пола... Тьфу, че за чушь в голове!

– А это для кожи не вредно?

– Чистота?

– Мыло в таком количестве?

– А я без мыла мою. Поэтому так долго...

Чего я несу! С детства ненавидел мыть руки. Пора уже заканчивать эту комедию...

– Я уже выхожу...

– Скажите, Сергей! А там Маркиза нет?

– Маркиза?

Хотел сказать, что все маркизы в Париж уехали, но успел подумать: «Зачем делать себя еще глупее, чем есть на самом деле...».

– Да, Маркиз! Мой кот! Я его нигде найти не могу...

– Кот???

– Маркизик мой! Пушистик! Снежочек мой!

Смутные догадки забурлили в моей голове, как взболтанная газировка. Стало щекотно и любопытно. Неужели та бесформенная куча шерсти, что я пнул, и была Маркизом?

Тогда почему это животное не издало ни единого звука? Не мог же я его укокошить одним ударом! Или это такой лентаргический сон?

Я открыл дверь. Тамара стояла на пороге с миской кошачьей еды.

– Это мне?

– Ну, что вы? Это моему котику. Где же он спрятался? Маркиз! Кис-кис-кис! Он очень стеснительный...

И тут под ванной закрипела дверь. Такой интерпретации кошачьего «мяу» я еще не слышал. Тамара радостно кинулась туда с миской.

– Вот он, мой котик!

Во мне теплилась надежда, что там, судя по голосу, сидит маленький котенок.

– Иди к мамочке...

Да что же такое! Почему опять мамочка... Извращенство, да и только! Но не это стало гвоздем программы! А то, что Тамара извлекла из-под зеркального корыта на львиных лапах. Та самая бесформенная куча белого кроличьего меха. Она прижала к груди эту тестообразную шерстяную биомассу размером со среднюю подушку.

– Мой маленький! Стесняется! Спрятался под ванну...

Хотелось ей сказать, отчего он так «застеснялся»... но я не мог выговорить ни слова, наблюдая эту картину. Это нечто, прижатое к груди Тамары, казалось, готово было вытечь сквозь руки хозяйки. Знаете, что я вам скажу, дорогие

мои? Это издевательство над животным! Какими чувствами должна обладать душа, чтобы сотворить такое с хищником, пусть даже и небольшого размера? Какими идеями руководствуется мозг, делая из охотника за мышами и воробьями кучу безвольного незнамо что? Кое-как я могу смириться с бонсай. Все-таки деревья не настолько для нас одушевленные существа. И это хотя бы искусство. Можно сказать, что у них своя миссия. Они несут прекрасное, созданное человеком сотни, а порой даже и тысячи лет назад. Но вот этот скрипучий тюфяк не укладывается в моей голове.

– Идем в гостиную, мой малыш! Идем ужинать. Да? Скажи дяде Сергею, чтобы он взял твою миску и шел за нами.

Шерстяная дверь скрипнула в руках Тамары, и они вдвоем прошествовали в гостиную.

У меня было такое ощущение, что я перестал существовать и стал тем, с чем надо общаться через кошачьего переводчика. Почему вдруг я превратился в прислугу для Маркиза? «Скажи дяде Сергею, чтобы взял твою миску...» Ах твою-то так, едрена батона. Знай я, что это был кот за корзиной для белья, не дожил бы он до этого счастливого момента. Тоже мне «племянничек»!

Я, конечно, взял миску с кошачьей едой. И, конечно же, пошел за ними. Еда, кстати, пахла довольно-таки аппетитно. И выглядела, как гречка с тушенкой и с жареным луком... Только с рыбным ароматом... Не подумайте, что я это попробовал!

Круглый стол был накрыт на... три персоны. Два столовых прибора ровно напротив одного.

– А мы ждем кого-то еще? – спросил я и услышал ответ, который ввел меня в коматозное состояние.

– Маркиз, скажи Сергею, что это твое место! Да, Маркизик? Это же твое место? Приглашай Сергея к столу.

Дальнейшее превратилось в психологическую зоофилию. Тамара сгрузила эту бесформенную кучу, бывшую когда-то котом, на стол между двумя пустыми тарелками. Взяла у меня из рук миску, как будто я был неодушевленным предметом, типа столика на колесиках. Подсунула ее под кучу меха, растекшуюся ровным кругом на краю стола. Пододвинула стул к тому месту, где между двумя столовыми приборами лежала белая шубейка по имени Маркиз. И торжественно присела, постелив белую салфетку на колени.

– Маркизик, спроси у Сергея, почему он не присаживается?

Это общение напоминало мне игру в испорченный телефон, из детства. Только тут был испорченный кот. Коммуникативный испорченный кот.

Так значит, я тоже должен был общаться через него?

– Маркизик, скажи своей трёхнутой хозяйке, пусть возьмет свой мозг, где она там его выложила, и положит на место. А лучше всего, скажи ей, Маркизик, чтобы она вернула сюда Тамару, с которой я гулял вчера в парке. Сейчас же, драный ты воротник!

Пока я выстраивал эту фразу в своей голове, животное начало чавкать чем-то там у себя внутри. Как происходил процесс поглощения гречки с тушенкой, понять не было никакой возможности ввиду отсутствия у данного субъекта видимой кошачьей морды, а также лап и хвоста. Комок жира, обернутый в меховой бурдюк. Вот что представлял из себя этот кот.

– Приятного аппетита, Маркизик! – сказала Тамара и, положив себе на тарелку селедки под шубой, принялась за еду.

Она даже не смотрела на меня. Так, словно я стал невидимкой. Она знала, что я есть, но в каком-то другом агрегатном состоянии, видимом только Маркизу. Различные чувства устроили во мне Вавилонское столпотворение. Их было так много, что я не успевал давать им определения. Но одно единственное было сильнее всех. И понятнее... Это был голод. Реальный такой. Животный голод. Потому что я, как приличный человек, собирающийся в гости, ничего не ел с самого утра. И коль уж я оказался невидимым по эту сторону стола, то решил сесть и как следует поесть. Надо же хоть какую-то пользу извлечь из всего этого безобразия.

Огромный круглый стол был просто завален едой. Как будто у скатерти самобранки сломался выключатель, и она сама себя завалила едой. Салаты, сыры, колбасы, горячие блюда, холодные блюда, куриные крылышки различных видов, вина, десерты с фруктами и даже компот... Это все летело в топку. Я молотил челюстями так, как никогда в жизни.

Словно мне предстоял многодневный поход в места, где напроочь отсутствует еда. Но чувство голода никуда и не собиралось уходить. На нервной почве, наверно. Застольную тишину нарушал только звук столовых приборов и мерное посапывание Маркиза на столе. Он так и уснул на своей миске. А может, и ее переварил... Когда я затачивал восьмое куриное крылышко, Тамара вдруг заговорила.

– Маркиз, ты сыт? Ты доволен ужином, я надеюсь? Скажи, пожалуйста, Сергею, что он может остаться. Он такой же тихий, как и ты... Нас же это устраивает? Правда? На нашей кровати места хватит всем...

Кот продолжал храпеть, а у меня кость встала поперек горла. Я? Остаться? Места на кровати? А мое мнение кого-нибудь интересует? Но по вновь воцарившейся тишине я понял, что разговор, если это был разговор, конечно, закончен. Меня просто уведомили о моем месте в этой жизни, о том, где я буду находиться этой ночью. Я так предполагаю, где-нибудь между краем дивана и пушистой кошачьей массой... Это устраивало всех в этой комнате, кроме меня. Но моего мнения и не спрашивали. Кот продолжал спать. Тамара взялась за фрукты. Я доглодал куриное крылышко. Завернул в одну салфетку еще три штучки. Уж больно вкусные они было. В другую салфетку я завернул эклеры. Налил себе компоту. Встал.

– Ваше здоровье!

Выпил. И пошел к выходу...

– О! Забыл спросить! Маркиз, ты не знаешь, эклеры с заварным кремом?.. Ну, ладно! Сюрприз будет. Да! И передай Тамаре, что было вкусно, только в селедке под шубой косточки попадают... А так... Едрена батона, ребята! Как вы живете?

И я ушел.

Спускаясь в лифте, я думал:

– Теперь понятно, почему она одна...

Подходя к спящему капитану второго ранга с усами, я думал:

– А может, она одинока от того, что вокруг такие, как я?

Оставив эклеры Глебу Тимофеевичу, я вышел в ночь.

И уже больше ни о чем не думал...

История третья. Дружеская

На эту девушку видов у меня особых не было. Так... Пообщаться... Чай-кофе попить. Давно мы с ней были знакомы. Вначале это напоминало любовь, а встречи наши были похожи на свидания, а потом все это как-то плавно перешло в дружбу, и теперь мы просто пьем иногда кофе в кафешках. Знаете, как выдыхается шампанское? Вот нечто похожее случилось с нашими отношениями. Начало было очень страстное. Даже слишком. Чересчур уж романтическое. Но дальше нескольких почти невинных поцелуев наши отношения не пошли. Они были настолько платонические, что я все не решался затащить ее в постель, а она, как истинная девушка, стеснялась мне это предложить сама. Так мы и ходили вокруг да около, а потом то она уехала, то я замотался, то экзамены, то командировки... И когда мы встретились опять, от урагана остался жалкий сквознячок. Ну, а дальше все, как обычно... Однажды она рассказала мне о своем новом парне, который в первый же вечер затащил ее в койку... У меня, конечно, что-то внутри екнуло... Но это было похоже не на ревность, а скорее на потерю старой игрушки, которая и так валяется давно уже без дела.

Вот так мы и стали друзьями. А знакомы были лет восемь. И представьте себе, за все это время она ни разу не рассказывала о своих кошках. Ни разу! Странно, да? А как я узнал,

что она отчаянная кошатница, сейчас расскажу.

Мы с Анной не общались вот уже полгода. И тут ее звонок.

– Ого! Анютка! Сколько лет...

– Ты не стер мой номер?

– Нет! А должен был?

– Мы уже так долго не общались...

– Я друзей не забываю!

– Я твой друг?

В ее голосе я услышал нотки грустной радости.

– Ну, а кто? Любовниками мы с тобой так и не стали...

Сказал и услышал в своем голосе какой-то упрек в ее сторону. Чего это я? Сам удивился, откуда всплыла эта интонация.

– Не стали, – ответила она, – ты жалеешь об этом?

Я слышал, что ее голос почти дрожит от обиды.

– У тебя что-то случилось?

– Да... Меня бросили...

Мне нечего было сказать. В голове крутилась только одна дурацкая фраза: «Приезжай, пожалею, приласкаю!» Но не мог же я сказать это своему другу. Я молчал.

– Мы можем выпить где-нибудь кофе?

– Почему бы и нет...

– Давай на нашем месте... На Чистых прудах. Ты когда там будешь?

– Через час...

– Я тебя подожду.

И она дала отбой.

Чистые пруды. Там мы с ней гуляли в начале наших отношений. Там я подарил ей первый букет. Там я поцеловал первый раз... из трех. Но мы давно уже там не встречались. Как стали друзьями. Чего это ее потянуло туда? Как преступника на место преступления?

Пока я ехал в метро, меня посещали странные мысли...

– А что, если сейчас все закрутится опять. Ведь она, как я понял, теперь одна...

И тут же стал гнать эту несусветную галиматью.

– Да ну! Ерунда все это! Просто ей грустно и одиноко. Случайно нашла мой номер телефона и решила выпить кофе...

– Да? А почему именно на Чистых прудах? С чего бы это? – спорило с моим сознанием мое животное желание.

– Не почему! Что ты там себе напридумал? Прошла любовь! Выдохлась! Восемь лет знакомы. За это время люди успевают жениться и развестись. А у вас ничего вообще не было!

– Как не было? Мы целовались... И именно на Чистых прудах.

– Три раза? Не смей меня...

– Я даже помню эту скамейку!

– Нет там ее уже давно! На свалке. Там ремонт делали...

Всё, приехали. Выходим.

– Станция «Чистые пруды» – проговорила оцифрованная

женщина.

Я вышел. Я пытался быть спокоен. Но какое-то возбуждение бурлило во мне. А может, шампанское не выдохлось, а наоборот, получился напиток восьмилетней выдержки?..

Я вышел из дверей метро. Она стояла напротив. Как в то время. Я ведь всегда опаздывал... А она ждала. Вот и сейчас. Только тогда она, улыбаясь, подходила ко мне, заглядывала снизу в глаза и говорила:

– Кто из нас девушка???

Мы брались за руки и шли по бульвару.

А теперь Анна смотрит на меня заплаканными глазами. Я останавливаюсь. Смотрю на нее. И только успеваю подумать: «Выглядит очень даже сексуально в своих переживаниях, все-таки времени удалось превратить пацанку в красивую миниатюрную женщину...»

Как вдруг она начинает двигаться в мою сторону... подходит... смотрит снизу в мои глаза.

– Кто из нас девушка???

– произносит Анна и, обняв, прижимается к моей груди. Прямо к моему заколотившемуся сердцу. Дыхание срывается так, словно я бежал все это время перед поездом метро. – Спасибо, что пришел...

Она берет меня за руку и ведет по аллее бульвара. У меня ощущение, что я старый дед и меня переводит через дорогу юная пионерка... За восемь прошедших лет она стала прекраснее, а я старше... Но крышу сносит, как в то время. Организм уже отвык от таких переживаний. Вот будет смеху –

свалиться тут с сердечным приступом.

Приедет скорая и доктор скажет:

– Его сердце не выдерживает любви! Женщины, покиньте помещение...

Что за галиматья??? А между тем мы идем по аллее, держась за руки...

В кафе Анна мне рассказала всю свою жизнь. И как была замужем дважды. И как ушла от первого мужа, в чем мать родила. И про свои многочисленные мимолетные увлечения. И как влюбилась во второго мужа... И как жили они счастливо. И как он оставил вчера записку, что уходит...

– Вот такие у меня новости за последние шесть лет...

– А почему ты ничего этого раньше не рассказывала? Я же не знал...

– Не считала нужным... Да! Потрепала меня жизнь... А сейчас мне очень тяжело... И я поняла, что кроме тебя у меня никого из близких людей нет!

– Ну, уж это ты загнула!

– Правда!

Она замолчала. Я возил трубочкой пену по стенкам стакана из-под капучино.

– Знаешь, восемь лет назад я побоялась сказать тебе то, что должна была. Побоялась, что ты плохо обо мне подумаешь. А теперь я могу говорить все, что хочу. Я теперь взрослая девочка... Так вот! Слушай!

Я напрягся. Трубочка замерла в стакане и задрожала

от напряжения.

– Поехали ко мне, – выдохнула она.

– Поехали, – ответил, не задумываясь, я.

Квартира находилась в районе метро Академическая. В старом пятиэтажном доме. На втором этаже.

– Мы переехали сюда три месяца назад. Только ремонт сделали...

Она открывала дверь ключом и говорила, а я мысленно был уже в кровати... И думал:

– Какие же мы все-таки кобели... Животные... У девушки горе... А у тебя одно на уме!

– Ну она же сама меня позвала... – отвечал зверь во мне. Этот спор перебил ее тихий голос.

– Проходи...

И я прошел...

И мир перевернулся с ног на голову.

Знаете, что я увидел в квартире?

Вы уже догадались!

Кошки... Повсюду... Не одна, не две, не три... Их были сотни... И, нет, это не были фотографии! Это были абсолютно реальные, осязаемые, волосатые, четверолапые и хвостатые кошки.

– Здравствуйте, мои хорошие! Ваша мамочка пришла...

Ну вот! Началось! Почему хоть мамочка! скажите мне кто-нибудь! – кричало у меня внутри. А снаружи я спросил, сдерживаясь, чтобы не заорать:

– Анна, у тебя кошки?

– Да! Только не говори, что у тебя на них аллергия...

– Нет! Аллергии нет...

– А что? Ты их не любишь?

– Ну, как тебе сказать... Не то чтобы я их не любил...

– Посмотри, какие они милашки... Посмотри, как они смотрят на тебя!

Кошки занимали собой все плоскости в квартире и действительно глазели на меня. Выражение их лиц... простите, морд, говорило одно:

– Не успели одного выпроводить, как другой явился...

Едрена батона, набросься они на меня сейчас все вместе, живым я бы не ушел. Анна сняла обувь и пошла на кухню.

– А вот кого я сейчас буду кормить... – слышалось оттуда.

Ну, явно не меня, судя по тому, что эти беспринципные создания толпой кинулись на зов, забыв о моем существовании.

– Что ты там застрял. Иди сюда.

– Это ты меня?

– Ну, конечно! Иди, посмотри, какие они холёшечки!

ТЬфу! Что это за слово такое? Холёшечки! Ну ладно, «ваша мамочка»... Но «холёшечки» – это уже перебор. Бежать! Срочно! Сейчас же... И тут в коридоре опять появилась Анна.

– Ты чем-то расстроен?

– Нет! Нисколько.

– Ну, так проходи!

Я прошел.

Мы пили чай. И запивали его коньяком. Анна сказала, что этот напиток ей поможет расслабиться. Она опять что-то рассказывала про себя. Я что-то рассказывал... Но беседа происходила отдельно от меня, потому что голова была занята рассуждениями на тему «Я и кошки». Этот разговор с самим собой заполнил всю мою сущность.

Как это так получается? Я же не преувеличиваю. Не придумываю. Реально! Кошачье племя преследует меня. У каждой! без исключений! У каждой женщины, на которую я имел виды, обнаруживалась кошка. Есть ли тут какая-то взаимосвязь? Почему меня влечет к кошатницам? Может, меня подсознательно тянет на запах. И это мой крест. Может, мне уже надо смириться с этим? С их существованием... Или это знак, чтобы я перестал гоняться за женщинами? А сейчас вот... Почему я не ушел? Мне же надо было бежать без оглядки. Проявил слабость, за что и буду расплачиваться. Ну ладно, одна... Так их же тут сотни... Тысячи... Вот так, наверно, выглядит последнее предупреждение. Если одна кошка меня ничему не учит... Так на тебе! Получай тысячу! Может, хоть так ты что-нибудь поймешь... Поймешь, что не ты управляешь жизнью. Что мир не вращается вокруг тебя. И ты со своими желаниями можешь постоять в очереди с этими хвостатыми и, возможно, получить-таки

свою порцию внимания... Не говоря уже о ласке и любви... Это же апофеоз моих отношений с этими недохищниками... Все возможные варианты расцветок, пород, форм и размеров. Сразу все! Чтобы уже наконец успокоился и перестал искать чего-то нового в кошках... тьфу ты, едрена батона, то есть в женщинах! А они тут самые настоящие хозяева. Сидят где хотят. Ходят где хотят. Сижут тут и рассуждаю сам с собой, а они шастают через окно без спроса. Туда-сюда... туда-сюда... Кажется, что даже все время разные. Уходят на кухню. Пожрут и – прыг в окно... Ни тебе спасибо! Ни тебе пожалуйста! Проходной двор. Общественная столовая для кошек...

– Анна, а это все твои кошки?

– Что? – я прервал ее рассказ, даже не скажу, о чем.

– Я говорю, кошки ходят в окно... разные все время. Это твой?

– А я не знаю. Второй этаж. Они по дереву поднимаются. Мне не мешают... Едят и уходят... Ты меня слушаешь вообще?

– Конечно! Продолжай.

И она вернулась к своей истории, а я к своим мыслям.

Значит, получается, это не мы их приручаем. А они нас. Это мы подстраиваемся под их существование. Это получается, что я должен сначала принять кошку, а потом женщину? А я вот не хочу!.. Или вообще принять все таким, какое оно есть, и пристроиться самому? Приручиться? Может,

на это мне намекает вселенная?..

Пока я так рассуждал, мы оказались в постели с Анной, в окружении кошек. Они урчали, мурчали, мурлыкали, перебирали лапками... я кошек имею ввиду... хотя и Анна тоже, кажется, мурлыкала. Коньяк все-таки сделал свое дело. Все это походило на групповуху из воспаленного воображения Сальвадора Дали, который стал кошкой за секунду до падения на землю с Эйфелевой башни...

Кажется, коньяк и меня расслабил...

Я проснулся от того, что на моем лице пытался устроиться совершенно незнакомый мне кот. Вчера этой наглой морды я не наблюдал. Это что же получается, он пришел в окно, пожрал и решил поспать на мне для полноты счастья? Нет уж, увольте!

Я скинул его. Он плюхнулся на пол, пролетев пару метров. Недовольно вылизал себе под хвостом и удалился через окно.

Анна спала рядом, вся в кошках. Они все дружно урчали... Я осторожно встал с кровати. Извлек свои вещи из-под кошачьих тел. Тихонечко прошел в коридор. Засунул одну ногу в кроссовок... Ах ты ж... Мохнатое отродье... Там было мокро! Даже очень. Второй кроссовок был в таком же плачевном состоянии. Они нагадили мне в обувь... Судя по уровню влажности, все! Это было последнее предупреждение!

ВСЕЛЕННАЯ! Я ТЕБЯ УСЛЫШАЛ! СПАСИБО!

Я вышел босиком. Вышвырнул кроссовки в мусорку. Заблокировал номер Анны. Стер ее телефон. И пошел покупать обувь.

История четвертая. Семейная

В конце-то концов я женился. Куда же без этого. Угадаете, какой вопрос я задал вторым своей будущей жене? Правильно. У тебя есть кошка? Кошки не оказалось, и мы поженились. По-моему, все закономерно. Вы удивитесь: Почему тогда эта история тут, может, по ошибке? Ну, или подумаете: а как же без счастливого конца? И не угадаете в обоих случаях. Дальше поймете, почему.

Жили мы тихо и счастливо. Потом уже не так тихо, потому что родился мальчик, но по-прежнему счастливо. Даже еще счастливее. И никаких разговоров не возникало по поводу животного в доме. Вообще намеков. Нам было и так хорошо. К чему эти дополнительные хлопоты? Эта ответственность? В этом мы сходились с женой. Тем более, что она знала о моем отношении к кошкам. Я ей рассказывал кое-что... Не все, конечно... Так вот мы жили дружно и счастливо... Пока однажды мне на телефон не пришла фотография от жены. И знаете, что там было? Фотографии-то приходили часто. Платьишки-кофточка, там, лица всякие дурашливые, закаты, восходы... впрочем, вы сами это знаете. Небось тоже шлете всякую всячину... А как еще поделиться с любимым человеком своими эмоциями? Так вот, и в этот раз прозвучал звонок «та-дам», у меня, когда от супруги сообщение приходит, как будто в дверь звонят: «Та- дам! Открывайте

ваше сердце, радость пришла!» И я открыл... А там фотография котенка... Маленький! Белый! С рыжими пятнами! И... наглый! Почему? Ведь это только фотография... На то было три причины. И достаточно веские!

Во-первых – Он нагло сидел на торпедо автомобиля моей жены. Прямо перед рулем. А мы ведь только недавно отдавали машину на чистку салона.

Во-вторых – Он наглым образом вторгся в мою жизнь. Без всякого приглашения и моего согласия... И вообще помимо моего желания.

В-третьих – Он нагло смотрел с экрана моего мобильного своими крайне наглыми зенками, прямо мне в душу.

Вы скажете, ну и что тут такого? Ну, подумаешь, фото?

Но я почему-то знал, нет, вернее, чувствовал, к чему эта фотография на моем мобильном. Давненько Вселенная не давала мне под дых... И вот это был первый гонг к очередному раунду бесконечной борьбы. Борьбы за мою независимость... И дело даже не в кошках. Кошки были вершиной айсберга. Просто в них сочеталось все, чего я не выносил: глупость, непоследовательность, беспринципность; и то, что от меня требовалось: подстроиться, прогнуться и приручиться.

Идти на компромиссы? Для меня это всегда плохо заканчивалось...

Я слишком хорошо жил долгое время. И по наивности думал, что борьба окончена... А это был всего-навсего заты-

нувшийся тайм-аут. И вот когда я расслабился, кошачьи ударили исподтишка... Из засады... Как это на них похоже...

В общем, пока я философствовал, глядя на наглую белую морду с рыжими пятнами, от жены пришло новое сообщение: «Правда, хорошенький?» Теперь уж точно сомнений не было. Кошки в сговоре со Вселенной решили ударить в тыл. Тут пришла еще фотография. Котенок сидит на коленях супруги и ест кусочек колбасы с руки... Что еще должно было прийти на мой телефон, чтобы я понял, что сопротивление бесполезно?

Я, конечно, отбивался, как мог. Не дожидаясь чего-нибудь типа «Давай возьмем это чудо домой!», я отправил жене:

– Я же говорил, что не люблю кошек!

– Но он такой лапочка.

– Это шерсть и безобразие по всему дому!

– Я буду за ним убирать!

– Он будет точить свои дурацкие когти об все что попало.

– Я их подстригу ему и куплю когтеточку.

– Нет!

– Ну, пожалуйста!!!

– Нет!

– Ну, любимый!!!

– НЕТ! И ЕЩЕ РАЗ НЕТ!

– На улице так холодно... Он весь дрожит. Наш сыночек будет счастлив! И я тоже!

Это был тот аргумент, против которого мне нечего было

сказать! Ради счастья моей семьи я готов пойти на все!

– Ладно! Но я за ним ухаживать не буду! – отправил я сообщение, слабо в это веря.

– Урааааа!

Коварство кошек безгранично! Это был их хитрый план! И он сработал! И чтобы добить меня окончательно, пришло еще одно сообщение.

– Назовем его Степой! Целую! Едем домой!

Это была сверхнаглость! Когда мы думали, как назвать сына, у нас было два варианта, Степан и Илья! Назвали Ильей. Но это не имеет значения! Просто сам факт! Это я должен относиться к нему, как к Степе? Едрена батона!.. Это несправедливо... И я пошел на кухню к бару, чтобы снять стресс и успокоиться! Дабы не выбросить этого мелкого интригана с балкона.

Пока этот пузатый бело-рыжий котенок бегал мелким недоразумением по квартире, хлопот от него особых не было. Ел мало. Ходил в купленный специально для него лоток. Носился за бумажками на ниточках. И спал на коврикe в отведенном для него уголке. Они с Илюхой и правда весело и безобидно играли. Но эти зверушки, я имею в виду кота, очень быстро растут, особенно на домашних харчах, в тепличных условиях. И при этом характер меняется у них не в лучшую сторону. У них просыпаются инстинкты.

Это не миновало и нас. Однажды мы сидели на кухне, когда вдруг раздался детский плач. Естественно, через мгно-

вание я был рядом с плачущим сыном. А он заливался горькими слезами, от которых разрывалось сердце, и показывал прокушенный палец, с которого капала на пол кровь ни в чем не повинного дитя. Илюхе тогда было года три. А котенок жил у нас уже год. И перестал быть забавным комком шерсти. Он начал охотиться! Причем на своих же!

– Кусил! Кот! Меня! Кусил.

Плакал мальчик, сидя на полу. И что-то в голове у меня перемкнуло. Наверно, тоже проснулся хищник...

Я охотился на это хвостатое бестолковое чудовище минут двадцать. Пуляя в него тапками, гоняя клюшкой под диванами и кроватями, мне удалось таки загнать его в угол в коридоре. Нет! Не переживайте и не закрывайте глаза от страха и не хватйтесь за валидол, котенок остался жив. Я схватил его за шкурку. Поднес к моему сыну, которого развеселила сцена погони, и, ткнув пару раз котенка носом в ребенка, надавал хищнику легких атата... Не знаю, почему я решил, что это должно как-то подействовать на зверя. Какие-то мои домыслы.

Это был первый опыт охоты. Степы за добычей и меня за Степой. Но кот, именно кот, потому что он перестал быть забавным котенком, так вот, кот на этом не остановился.

Он стал охотиться за нашими ногами, руками и головами. Выпрыгивал из засад, вгрызался или царапал до крови и убегал. Недалеко, конечно. Всякий раз я его отлавливал. И он получал. И уже не легких атата... Вот скажите мне, насколько

ко надо быть бестолковым, мягко говоря, чтобы не понять простой вещи: если ты кусаешь, то потом получаешь! Ну, ехарный бабай, это же должно как-то отложиться на уровне первой сигнальной системы? Рефлексов, что ли... Или Павлов со своей собакой был неправ. Хотя он, наверно, не просто так именно с собакой экспериментировал? Да?

Это был совершенно мне непостижимый феномен. Кот ушел в глубокое подполье. Начал передвигаться по дому перебежками. Но нападать не перестал. И получать, соответственно, тоже. А еще он повадился запрыгивать к нам спящим на кровать. Это уж просто ни в какие ворота не шло. Я же не ложусь на его коврик. И к себе в постель тоже не приглашаю. Но когда среди ночи тебя будит урчание атомного реактора, ты открываешь глаза и видишь на подушке рядом со своим лицом кошачий хвост, это не может не вывести из себя. Котик планирует в дальний угол комнаты. Там он, пробуксовывая на месте всеми своими лапами, ламинат-то скользкий, несколько секунд, скрывается под креслом. Ну, человеку достаточно будет пары раз, чтобы понять опасность таких поползновений. Собаке, я думаю, хватит десяти раз. А это создание продолжало ночь за ночью приходиться и укладываться между нами. Потом до него, видать, что-то дошло. И Степа, тьфу, прости меня, Господи, стал залезать к Илье. Ну, ладно, когда было лето. А зимой? Кот раскормился до размеров обычного животного. И когда он укладывался рядом с Ильей, то получалось, что под ним оказыва-

лось все одеяло, а ребенок спал, свернувшись холодным калачиком на краю своей кровати. И когда среди ночи ты слышишь «Мамочка, мне холодно!», то тут уж никакой грин, мать его, пис не спасет.

Кот по ночам летал. Днем получал. Но продолжал залезать на кровать и бросаться на ноги.

Или вот еще. Я сижу на диване. Смотрю телевизор. Кота в зоне видимости не наблюдается. Но как только рядом присаживается жена, он тут как тут. Некоторое время сидит, глядя жалостливо на нас, а потом, улучив, как ему кажется, удобный момент, начинает подкрадываться. Осторожно запрыгивает на диван и, подползя к супруге, прикидывается ветошью, прижав уши. Ну, не цирк? Шапито, я бы даже сказал.

Мы переехали в другую квартиру. С котом, конечно. И у сына появилась своя комната. И вот там кот вообще распоясался. Спал где хотел. Играл с чем хотел. Грыз что хотел. Потому что до меня было далеко. Я за стенкой. И он, сразу же уловив мои шаги, срывался под кровать, где я его уже не мог достать. Вот такая неудобная была конструкция у этой кровати. Жена, по-моему, специально такую купила. Вообще мы с ней частенько стали ругаться из-за этого, язык не поворачивается, Степы.

– Он здесь живет! Ты ему продыху не даешь!

– Не надо залезать на кровать. У него есть прекрасная подушечка под батареей. Вот пусть там и спит.

– Я знала, что ты не любишь котов, но не думала, что настолько.

– Таких тупых – да!

А еще Степа любит грызть коробки, особенно там, где скотч. Погрызет-погрызет, а потом пойдет есть корма своего, который стбит, как ужин в дорогом ресторане. А потом выблюет все это посреди комнаты. Потому что этот зверь сначала проглотил маленький кусочек скотча, который его чувствительная пищеварительная система не переваривает... И если бы это было один раз. То же самое он может сделать, просто обожравшись. Положишь ему миску. Он миску и слопает. А потом оно все назад лезет. Выложит кучу в коридоре и через пару минут опять на кухню – есть. Голодный ведь. Где логика в поведении? Нет ее! Даже с инстинктами беда. Я его не жалею. Вы это уже поняли. Но когда я просыпаюсь и встаю с постели, если дома нет никого, он подбегает и начинает тереться об мои ноги, чтобы я его покормил. Вам это понятно? Мне – нет! Полное отсутствие принципов.

Или, допустим. Мы садимся на кухне за стол. И он тут как тут. Жена говорит, он компанию любит... Он, едрена батона, еду свою сторожит! Чтобы мы чего у него не слямзили. И будет есть до тех пор, пока мы на кухне. Ну, а потом у него опять вся еда назад пойдет. А через пару минут он опять на кухне... Есть просит. Во житуха. Как у римского императора. Поел, вырвал, опять поел. Поспал. Сходил в туалет...

Я, когда узнал, сколько стоит кошачий наполнитель для туалета, долго прийти в себя не мог. Как один день в пятизвездочном отеле ол инклюзив. Силиконовая гипоаллергенная крошка с ароматом вечернего морского бриза. Десять раз наполнитель поменял – сам на море не съездил. В моем детстве кошечка, жившая у нас дома, в песочек ходила...

Как-то супруга читала сыну книжку перед сном. Степа в этот момент отсиживался под кроватью в соседней комнате после очередных... атата. Я был на кухне. И тут жена просит меня сменить ее и полежать с Илюшкой. Произошла рокировка, которая, видать, осталась незамеченной для кота. И вот я выключаю свет... и тут же в дверях показывается эта наглая в рыжих пятнах морда, бегом запрыгивает к Илюхе на кровать... И понимает, что на кровати не жена, а я под одеялом... Его глаза становятся еще больше от ужаса. Он начинает медленно приседать на всех своих лапах. Был бы хамелеоном, сменил окрас и стал в цвет пододеяльника, точно! Я смотрю на него! Он не отрываясь смотрит на меня. И пытается слиться с одеялом! Или раствориться в воздухе. Ему это удастся... почти.

– Степа... – говорю я очень вкрадчиво, чтобы не разбудить сына.

Кот подлетает вверх на полметра. Сам! Без моей помощи! Честно! Оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, разворачивается в воздухе и уносится из комнаты. Пробуксовав в коридоре, меняет направление. И скрывается в гости-

ной... А ведь кошачье счастье было так близко. Сейчас бы разлегся на одеяле. Выжил бы из-под него ребенка и проспал до утра...

Он спит всегда, когда меня нет на кроватях и диванах, но как только появляюсь я, его ночной и дневной кошмар, тут же линяет с глаз долой. Так вот, ответьте мне на вопрос. Зачем устраиваться там, откуда тебя могут погнать? Где инстинкт самосохранения? Может, этот кот живет первую жизнь из девяти? И не набрался опыта? Невозможно быть таким неприручаемым! Это я сейчас про него, про кота говорю! Со мной и так все понятно...

В его-то кошачьем мозгу это я живу на его территории. Сплю на его кроватях и диванах. Ем на его кухне. И в упор не хочу подчиняться распорядку в его стае. За что он и продолжает нападать на мои ноги из засады.

Жена говорила, что я садист! И не люблю Степу!

Она его кормила. А он ее грыз и царапал. Она его ругала и шлепала. Он к ней ластился. И она его опять кормила. А он опять ее грыз и... По-моему, тут что-то не так. Нарушена какая-то природная закономерность, принципы общезжития и последовательность в поступках. Но им было хорошо вдвоем...

Может, мне все-таки стоило потерпеть?

А вы как считаете?

Теперь у меня остался только Степа...

– Кошечка! Кис-кис-кис! Иди, я тебя покормлю...

Чай в пакетике

Вторник

«У меня неожиданная, я бы даже сказала, сногшибательная новость! Мы едем в Питер!»

Так начала свою речь директор нашего студенческого театра, Лариса. Ну, особо неожиданного в этом ничего не было. Слухи бродили уже полгода. А что касается «сногшибательного», то у нее все было сногшибательное... Или гениальное. Но так как сказать про новость, что она гениальная, будет как-то не по-русски, соответственно, новость была сногшибательная. А я вам скажу, что особенно сногшибательного было в этой новости. На календаре была зима! А что такое зима в Баку? Это снег, который выпадает один раз в сезон и тут же превращается в лужи, не успев как следует порадовать детвору. Это мужчины, которые ходят максимум в пиджаках и в норковых шапках (надо же продемонстрировать свою южную закалку и финансовое состояние). Это женщины в демисезонных пальто или, опять же, в норковых шубах (собственно, по тем же причинам, что и мужчины в шапках). Это хлебные магазины, которые тут же пустеют, потому что снег вызывает вселенский коллапс: грузовики перестают ездить, вода из кранов перестает течь, электричество по проводам перестает бежать! Потому что в Баку

выпал снег. При температуре -10 закрываются школы... Что-бы, не дай аллах, кто-нибудь не простудился. Вот что такое зима в Баку во времена советского союза, в которые как раз и происходили те гениальные и сногшибательные события. Мягко выражаясь... Сейчас-то наверняка все иначе. Цивилизованнее! А тогда зима для нас была именно календарной, в отличие от Питера, где она была реальной. На каждой улице и за каждым поворотом. Настоящая русская зима с тридцатиградусными морозами.

Теперь вам понятно, почему эта новость была действительно гениальна в своей сногшибательности?

Но мы, молодые, горячие, безбашенные, по-южному закаленные, конечно же, обрадовались... Собственно, тогда мы радовались всему. А почему бы нет? Это с годами поводы для радости превращаются в необходимость все обдумать и взвесить... Но в результате, за частую, выходит очередная глупость, только продуманная и выношенная. Так что лучше уж честно и просто порадоваться и ломануться в зимний Питер без теплых вещей.

Я чего-то отвлекся в своих рассуждения...

А наш директор, между тем, продолжала.

– Я заделала гастролы на две недели. Дорогу, проживание и питание мы оплатим из нашего НЗ-фонда, но сборы все окупят с лихвой, и даже, по моим расчетам, в два раза. Так что мы обеспечим себя зарплатой на еще один год! По-моему, это ГЕНИАЛЬНО! – закончила она, ослепив всех нас го-

рящим взором победителя, в ожидании общего ликования.

Слово взял наш художник Дмитрий:

– Мы с Ларисой проделали огромную работу!..

– Кто бы сомневался! – прокомментировал мне на ухо

Олег.

– Сыграть нам предстоит двенадцать вечерних и шесть утренних спектаклей!..

– Конечно... Он-то играть не будет, а мы в каждом спектакле... – гудел мне в ухо Олег.

– Так что давайте наберемся терпения и творческих сил и покажем Питеру, кто мы есть...

– Покажет он!.. Ишь какой показыватель выискался... – Олежек, мягко говоря, недолюбливал Диму. Ну, вы поняли. А все потому, что Дима у него девушку увел. Дима вообще был известный ходок...

– Площадки и расписание нам дадут по приезду! Так что в бой, как говорится.

– Тоже мне, командир... – шипел Олег в ухо.

Тут я не выдержал:

– Тебя чего-то не устраивает? Так и скажи ему.

– Да мне вообще фиолетово. Я с женой поеду, а она у меня коренная петербурженка.

После того, как Дима увел у Олега даму сердца, Олег поехал на все летние каникулы в Питер развеять свое горе. И там-то познакомился с девушкой Анютой, на которой скоропостижно женился.

– Она у меня блокадница! – гордо заявил он, когда знакомил нас. – Ее мама и бабушка блокаду пережили!

Я, конечно же, поздравил его с таким жизненным приобретением. Хотя мне самому было непонятно, зачем и ради чего. Но он сам дал ответ, продолжив свою речь:

– Я вот закончу институт и перееду в Питер с Анютой. А этот Дима пусть подавится своей Катей...

Катя – это та девушка, которую Дима увел у Олега. А я возьми и ляпни:

– Так пока ты в Питере искал свое счастье, они уже расстались...

– Да? – Олег покрылся алыми пятнами и заходил желваками. Он всегда так делал, когда злился. А еще зубами скрипел. Но сейчас сдержался, чтобы виду не подать. – Быстро они! За три месяца, да? Ну, так все равно пусть оба подавятся. А мы в Питер переждем. Да, Анюта?

Анюта, девушка с хищными чертами лица, маленькими острыми глазками и орлиным носом типа клюв, улыбнулась, обнажив свои клыки, и произнесла совершенно беззаботно:

– Ну, конечно, Олежек!

Я подумал: «То ли она совсем бум-бум, то ли вид делает. Все же понятно!..» А еще «О» у нее выходило какое-то особенно круглое и протяжное. Вологодское какое-то... Мне стало жалко Оолега. Все же было шито белыми нитками. Анюту, кстати, взяли швеей-костюмером в нашу студию. Тут еще дым прошлых любовных баталий не развеялся... А она

как ни в чем не бывало мерила, шила, гладила и одевала... Лучше бы она этого не делала. Потому что птичий у нее был не только нос, но и руки... Но надо же ей было где-то работать... и желательно рядом с мужем... А так как на такую зарплату костюмера никто не соглашался, тут для нее все и сошлось. В общем пригодилась она...

А меня опять унесло в сторону! Но это чтобы вам понятно было!

Закончилось, значит, собрание, и мы отправились по домам укладывать чемоданы и набираться творческих сил, как рекомендовал нам худрук. Отъезд планировался через неделю.

Я вам не рассказал про состав нашего коллектива... Но это и не к спеху. Меня, Олега, Анюту, Ларису, Дмитрия и Катю вы уже знаете. С остальными познакомитесь по ходу наших гастролей. Скажу только, что жили мы одним дружным, насколько это возможно, как вы уже понимаете, коллективом. А Дима называл нас семьей. Наверно, потому, что успел переспать почти со всеми девушками нашей студии.

– Мы – семья! – говорил он.

– Со всеми вытекающими и втекающими последствиями! – язвил на ухо Олег.

В ближайшие семь дней нужно было найти зимнюю верхнюю одежду. Хоть какую-нибудь. Подобающую, по нашим представлениям, питерской зиме. А еще Анюта как истинный знаток нравов северной столицы написала список то-

го, что необходимо взять с собой «в обязательном порядке». Среди всего прочего красным были выделены следующие позиции:

– Чай в пакетиках (можно и развесной, если будет, где заваривать), так как в Петербурге с чаем могут быть проблемы ввиду не особой популярности.

– Теплые носки и варежки.

– Консервы, тушенку на первое время, так как неизвестно, где и на каких условиях нас поселят. А Питер полон сюрпризов в плане снабжения продовольствием.

– Хозяйственное мыло. По причинам см. пункт 3. А стирать придется.

– Червонцы. Т.е. купюры достоинством десять рублей красного цвета. Для обмена с гостями из Финляндии на товары импортного производства. (джинсу, салями, жвачки и т.д.). Финны падки на эту красную бумажку.

– Водку в бутылках 0,5 литра. Самую дешевую, за 9 руб. 10 коп. Для натурального обмена с финнами. См. пункт 5. Финны падки на водку.

Приняв этот список как руководство к действию, мы кинулись менять все деньги на червонцы и набивать свои чемоданы водкой, рискуя нарваться на перевес. Летели ведь самолетом. 20 кг и не более. Ни о какой тушенке и хозяйственном мыле и речи не могло быть! К чему все эти мещанские мелочи, когда на горизонте маячат грандиозные финансовые махинации.

Назанимав пять сотен, я обменял их на десятирублевые купюры и спрятал в потайной карман, который опять же «гениальная Анюта», как ее называли Дмитрий с Ларисой, вырезала из цветастого сатина и пришила к моим черным семейным трусам желтыми нитками. Решение по подбору материала было, мягко говоря, спорным, но других вариантов у меня не было. И в конце концов, она художник по костюмам... Может, у нее такое видение. Да и какая разница. Спрятал – и ладно.

Пятнадцать бутылок водки, заботливо обмотанные рубашками, свитерами и прочей одеждой мирно покоились в чемодане, как снаряды, готовые в нужный момент поразить цель, то есть обменяться на товары импортного производства. Передо мной, как перед О. Бендером, расстилался бриллиантовый туман.

Входя в зал аэропорта с пятьюдесятью червонцами в трусах и пятнадцатью бутылками в чемодане, я чувствовал себя контрабандистом, объявленным в международный розыск. Казалось, взгляды всех милиционеров обращены на меня. Да вообще на меня смотрел весь мир.

Пачка денег упиралась в пах. Бутылки предательски булькали в недрах багажа. Отчего походка моя была очень сосредоточенно медленной и напоминала перенос шкафа методом кантования по дорожному паркету.

Кое-как я добрался до нашей группы, которая уже собралась в условленном месте, рядом с туалетами. Улыбки друзей

выражали понимание и одобрение. Анята с Олежеком гордо располагались в центре театрального коллектива контрабандистов, довольные тем, что все воспользовались их шпаргалкой. Ждали только Дмитрия. Начали нервничать. Худрук появился за десять минут до конца регистрации. Своей походкой он напоминал большой чугунный циркуль в дубленке.

Мы поспешили, если это можно было так назвать, к стойке. Казалось, небольшой мебельный магазин самостоятельно двинулся в путь. Покрываясь испариной то ли от страха, то ли от волнения за свой груз, то ли из-за чрезмерно теплой для бакинского климата одежды, мы прошли регистрацию. Каждый из нас с тревогой глядел вслед уезжающему по транспортной ленте чемодану. Только бы доехало все в целости и сохранности. Нам стало чуть легче физически, но психологического облегчения мы не испытали. И комфорта тоже не прибавилось. Продолжая потеть мы испытывали неудобства, вызываемые карманами, которые всем нашла Анята. Я уж не стал выяснять, но думается мне, что наши девчонки тоже были в семейных трусах от студийного кутюрье.

Попав на борт самолета, наш коллектив первым делом образовал очередь в туалеты. Каждому хотелось побыстрее переложить ценный груз червонцев в более удобное место. Потому что сидеть с этим изобретением от Аняты не было никакой возможности. Я ощущал себя кенгуру, которому в сумочку положили кирпич и оторвали хвост. После проведе-

ния мероприятий по перепрятыванию денег и избавлению от верхней одежды стало немного уютнее. И я, измученный, заснул еще на взлетной полосе.

Разбудила меня свалившаяся с полки спортивная сумка. Мы совершили посадку, и народ, как это у нас водится, подорвался с мест хватать свои вещи. Ну, и я спросонья подскочил как ошпаренный. Между тем самолет еще долго водили по рулежке... Потом было ожидание подачи трапа... А мы все так и стояли в узком проходе между креслами, плотно прижавшись друг к другу, одетые в верхнюю одежду, навьюченные своим драгоценным скарбом и опять очень вспотевшие, но зато готовые в любой момент покинуть летательный аппарат.

Наконец-то свершилось чудо. Открылась дверь, и вереница нервных взмокших пассажиров потянулась к выходу...

Вечерний Санкт-Петербург принял нас в лютые объятия. Своими морозными поцелуями он обжигал лица и легкие. Мы, конечно, готовились морально, но не к такой «горячей» встрече. Прогноз погоды по телевизору сообщал: – 23 градуса днем. Я пытался себе это представить и даже засовывал голову в морозилку. Но я не думал, что это настолько МИНУС ДВАДЦАТЬ ТРИ!

Анюта поглядывала на нас, ухмыляясь с таким видом, будто зима – это дело ее рук, и она является главным регулировщиком температур. Да и вообще весь Питер построен по ее проекту... Ну, большая его часть... Олежек бегал во-

круг нее, радостно виляя хвостом... если бы он у него был.

– Вот какая у меня Анюта молодец! – говорил он.

– Да! Гениальная девушка! – поддерживал Дмитрий.

Объявили выдачу багажа. Полученный чемодан был незамедлительно открыт для проверки целостности содержимого. Бутылки, любовно запелёнатые в рукава и штанины, мирно спали в ожидании своего часа. Настроение у всей группы заметно улучшилось, несмотря на неожиданный мороз. Программа минимум была выполнена. Оставалось дело за малым. Добраться до места нашего обитания. Расположиться. Потом найти скопление наивных туристов из Финляндии. Быстренько и с выгодой обменять все привезенное для этой цели. И обогатившись, в новой джинсе с полными карманами жвачки, вернуться домой. Да, и еще надо было сыграть сколько-то там спектаклей. Но это было попутное и не главное.

– Нас должны встретить и отвезти на место! – сообщила Лариса.

Мы забаррикадировались чемоданами в центре зала прилета аэропорта Пулково... Что бы не потеряться и быть заметнее для тех кто нас будет встречать. Все остальные пассажиры рейса «Баку – Санкт-Петербург» уже благополучно покинули здание.

Мы ждали...

Приземлился рейс из Ташкента. Смуглые лица прилетевших были синего цвета. Их быстренько разобрали друзья

и знакомые и увезли на разморозку.

Мы ждали...

Прибыл рейс из Иркутска. С криками: «Ну и жарница тут у вас!» – люди в пиджаках и весенних платьях, весело галдя на весь аэропорт, похватали встречающих и тоже разъехались по домам и гостиницам.

Мы ждали...

В зале кроме нас никого не осталось. Сейчас бы были оборваны все мобильные телефоны, а тогда этого даже в фантастических фильмах не показывали.

Из-за угла показался мужичок в телогрейки и шапке-ушанке военного образца. В ватных штанах и валенках с галошами. С раскосыми глазами, редкой бороденкой и роста метр шестьдесят.

– Сторож... – подумал я. – Сейчас выгонит.

Мужичок подошел.

– Вы этот, что ли... теянтер?

Мы напряглись. Дмитрий ответил за всех:

– Да! Нас должны встречать. На улицу не пойдем.

Мужичок снял шапку, достал из кармана платок, промакнул сверкающую лысину:

– Так это... я за вами, кудысь!

– Так вы от Захара Владленовича? – обрадовалась Лариса.

– Могёть, и от его! Мне не докладали! Поручили теянтер оприходовать... Ехать то бум, али как? Дорога долгая.

– Конечно! Поехали!

– Синяя «Кубань» на улице. Ента тудать. А меня Касымыч кличут...

И он пошел в обратном направлении. Мы двинулись за ним, как стая пингвинов за вожаком.

«Кубань» оказалась ископаемым представителем автобусного племени из доисторических времен. Это была рептилия на четырех колесах, покрытая шрамами, оставшимися от схваток с динозаврами. Синий монстр иногда содрогался от холода. Желудок его урчал, переваривая бензиновую смесь. Из-под хвоста валил черный дым. Со здоровьем этого животного явно было не все в порядке. Останавливать процесс внутреннего сгорания было, по всей видимости, противопоказано. Представитель древней фауны мог уснуть раз и навсегда. Возраст давал о себе знать.

Мы остановились перед дверью, у которой отсутствовала ручка. Наши молящие взоры обратились к погонщику загадочного зверя по кличке «Кубань».

– Ща! – сказал Касымыч и пошел к водительской двери.

Что он делал внутри, оставалось для нас загадкой, но автобус ходил ходуном, а мы успели окончательно замерзнуть. Не прошло и пяти минут, как от мощного удара изнутри распахнулась пассажирская дверь. На пороге стоял водитель, держа в руках лом.

– Ручку не нашел, кудысь!

И он сел на водительское сидение, которое в действительности было обыкновенным бытовым креслом от югославско-

го гарнитура с красной плюшевой обивкой и деревянными подлокотниками. Укрыв ноги пледом, Касымыч закурил козью ножку. Мы расценили это как приглашение к посадке и полезли в салон.

Внутренности «Кубани» своим убранством напоминали квартиру. Потолок, обтянутый бордовым бархатом. На окнах такие же занавески с бахромой. На заднем окне, заколоченном фанерой, висел плюшевый коврик с картиной Васнецова «Аленушка». Пассажирские места были обыкновенными деревянными лавками из пригородных электричек, заботливо накрытыми байковыми одеялами. Не хватало только торшера посреди всего этого очарования. И тепла! Помещение было не топлено. Из рта шел пар.

– А можно включить печку? – простучала зубами наш директор.

– Можно. Но станет совсем холодно... – выпустив дым, произнес водитель.

– Как так? – не унималась Лариса.

– Только вентилятор работает. Не греет, собака такая...

Поедем, дуйку включу.

– А вы можете не курить? – возмутилась Полина, самая наша некурящая актриса. – Дышать же невозможно!

Касымыч медленно повернул голову. Покрутил в руке свою козью ножку, словно изучая, и с удивлением ответил:

– Хорош табачок...

– Может быть! – взорвалась Полина. – Но я прошу вас

не курить!

– Да! Потушите сигарету, будьте добры! – поддержал Дмитрий.

Водитель отвернулся и молча выбросил окурок. К сизому дыму, клубящемуся в атмосфере, прибавились обида и возмущение.

Мы сложили чемоданы в конце салона под присмотром грустных глаз Аленушки и расселись по лавкам, совершенно заочнев. Автобус, проскрежетав коробкой передач, покатил по дороге.

– Вы дуйку обещали включить! – напомнил Валерий. После нашего худрука он был старшим на курсе.

Касымыч, проговорив что-то невнятное, достал из-под своего кресла маленький обогреватель «Ветерок» и, не глядя, развернул его в салон. Всем стало понятно, что тепла нам не видать. Байковые одеяла были извлечены из-под пятых точек и положены, по примеру водителя, на колени.

За окном чернела ночь и бешено металась снежинки. Двигатель стонал, иногда откашливаясь, но при этом автобус бодро рассекал бесконечную стаю белых мотыльков. Мотор отдавал тепло в салон. Правда, с запахом выхлопных газов. Но это было лучше, чем едкая махорка. Стало теплее. Мы отогрелись и осмелели. Лариса решила выразить общее любопытство.

– Простите, а как долго нам ехать?

– Как дорога... – ответил обиженный водитель.

Большой указатель показывал «Ленинград 10 км», и стрелка налево. Но, к нашему недоумению, мы поехали прямо. Все стали возмущаться.

– Вы проехали поворот...

– Мало того, что курите...

– Сколько можно ехать?

– Это издевательство...

Касымыч резко нажал на тормоза, так что мы чуть не попадали с лавок. Автобус встал у обочины. Водитель обернулся.

– Зачем вы мне нервы мотаете? Как можно ехать в таких условиях. Я что, дорогу не знаю, кудыть!

– Но вы же поворот проехали.

– Ничего не проехали! Нам прямо еще километров сто!

В салоне от такой информации повисла тяжелая шекспировская пауза. Первым пришел в себя Дмитрий.

– Как сто? Мы же в Питер едем!

– Ягодное! – ответил водитель.

– Что?

– Ягодное. Санаторий. Туда сказано доставить...

– Простите, но это ошибка! Мы, наверно, сели не в тот автобус... – схватила за голову Лариса.

Касымыч залез во внутренний карман телогрейки, извлек оттуда сложенный тетрадный листок, протянул нашему директору и включил верхний свет. Лариса принялась читать: «Рейс Ту 154 номер 2896 Б из Баку. Встретить театр. Дирек-

тор Лариса». Она посмотрела на нас глазами, полными недоумения.

– Я ничего не понимаю. Мы же на гастроли в Ленинград прилетели. Какое «Ягодное»?

– Село! – ответил водитель. – А рядом санаторий. Также «Ягодное». Едем дальше или назад вас в аэропорт доставить?

На душе стало как-то тоскливо и сумрачно. Мрак неизвестности накрывал наше, недавно еще радужное, будущее. Апатия, усталость, голод навалились всем скопом. Пока Лариса шепталась с Дмитрием, мы безучастно глядели на пляшущий шабаш снежинок в свете фар. Касымыч закурил козью ножку. И никто на этот раз ему ничего не сказал.

– Ехать будем? – нетерпеливо спросил он. – А то я скоро засыпать начну.

– Да! Поехали, – ответил Дмитрий. – На месте разберемся. Лариса обратилась к супруге Олега. Нашей гениальной девушке.

– Анюта, ты знаешь вообще что-нибудь про этот санаторий «Ягодное»?

– Первый раз слышу!

– Если уж моя Анюта не знает, – подключился Олег, – тогда вообще... А она чемпион Ленинградской области по ориентированию на местности!.. Вот это мы приехали...

Ко всем прелестям Анюты прибавилось еще и ориентирование, но это не добавило нам оптимизма.

– Какой район? – спросила Анюта у шофера.

Он в этот момент выруливал на трассу.

– Выборгский...

– Вот это да! – выпалила Аннушка.

– Что? – мы все обратились к ней.

– Далеко... – отчеканила она.

Больше никто не проронил ни слова. Мы печально смотрели туда, где ночные огни Ленинграда заревом освещали купол ночного неба. Большой город оставался далеко слева от нас. Но через полчаса поездки и его поглотила ночь, которая выстроила непроглядные стены по обеим сторонам дороги. Ехали молча, глядя в слепые окна, боясь встретиться взглядом с кем-нибудь из коллектива. Каждый грустил о своем. Оптимальным выходом из сложившейся ситуации было просто закрыть глаза. Что, собственно говоря, я и сделал...

– Я все поняла! – истошный крик Ларисы разбудил всех тревожно спящих жителей автобуса «Кубань». – Я все поняла! Увидела указатель, и у меня все сложилось в голове! ПГТ «Ягодное»! Тут мы должны играть первый спектакль. А то «село, село». Вот у меня и не стыковалось. А это же ПГТ! Что же вы, Касымыч, нам не сказали.

– Чего?

– Что это ПГТ!

– А чего это? – спрашивал непонимающий водитель, вглядываясь в созданный фарами коридор из еловых деревьев.

– Как чего? Поселок городского типа.

– Не знаю такого. Всю жисть село было. Ягодное. Сыз-

мальства... А вон и санатория ваша. Только бы Васька спать не ушел. А то до Нюрки ехать придется.

Автобус остановился перед металлическими воротами, над которыми красовалась надпись «Санаторий „Ягодное“» и ниже лозунг: «Чистый воздух, чистые легкие, чистые помыслы!».

– Херак себе вывеска! – не выдержал Олег. – Очистимся наконец!

Всем стало веселее оттого, что мы хоть куда-то приехали. Автобус гудел, разгоняя первобытную тишину, как раненый мамонт. На часах было два ночи. Два с половиной часа дороги остались позади.

В воротах открылась дверь, и появился молодой парень в фуфайке на голое тело.

– Ну чего орешь!

– Теянтер привез! – ответил Касымыч. – Артистничать будут.

– А я уж обрадовался, думал, не приехали... Ну, вези их к корпусу «Г». Там открыто. Сейчас Нюрка туда прибежит! – закончил свою приветственную речь Васька и открыл ворота.

– Вот так теплый прием! – прокомментировал Олег. – Вот так чистые помыслы...

– Не трави душу, Олег, – прозвучал из темноты голос Алевтины, чтоб вы знали, нынешней любовницы Дмитрия.

Между тем «Кубань» остановилась у двухэтажного стро-

ения из красного кирпича типа барак с большой буквой «Г» над козырьком. Вход находился точно посередине здания. С обеих сторон располагалось по пять зарешеченных темных окон. Окна второго этажа также были черны, кроме крайнего правого. Решеток на них не было.

– Прибыли! Милости просим на выход! – Касымыч встал с водительского кресла и со всей дури жахнул ногой по двери. Она открылась взмахом раненой птицы. Удивительно, что вообще осталась не петлях.

– Осторожно, двери открываются автоматически! – сказал я и пошел к «Аленушке» за чемоданом.

Мы покидали внутренности доисторического животного с хищным названием «Кубань», и казалось, что нас действительно хорошенько прожевал ископаемый хищник, переварил и выплюнул на мороз в виде несъедобных остатков. Но как бы то ни было, несмотря на все тяготы перелета и лишения трехчасовой поездки во внутренностях четырехколесного зверя, никто не истерил, не устраивал панику. Девчонки держались стойко. Ну, а мужчины, как и подобает сильному полу, шутили и всячески помогали слабому. Вся наша компания и вправду походила на большую дружную семью. Коллектив талантливых (прошу в этом не сомневаться!), молодых (тогда еще, могу показать паспорт), влюбленных в театр (это уж как пить дать) и в жизнь (куда же без этого в двадцать лет) единомышленников, приехавших на гастроли за тридевять верст. Через тернии к славе... И джин-

сам с жвачкой.

Войдя в помещение, мы оказались в натопленной комнате приблизительно три на пять метров, которая служила холлом. У стены стоял массивный диван из черного дерматина. Перед ним длинный журнальный столик с четырьмя креслами вокруг, младшие братья дивана. По углам комнаты стояли домашние деревья в деревянных кадках. В обе стороны уходили темные гулкие коридоры. В глубине каждого из них, подсвеченные тусклыми лампами, дремали лестницы на второй этаж. Над диваном во всю стену висела картина «Выступление Ленина на Путиловском заводе». Мы были как будто частью митинга. Я думаю, что Исаак Бродский добивался именно этого эффекта, создавая свое полотнище. Но слушать Ленина в три часа ночи после такой поездки – это, я вам скажу, перебор.

– Ну, наконец-то! – раздался бодрый голосок за спиной.

В комнату с улицы вошла молодая девушка в белой ночной сорочке, в валенках и неизменной ватной фуфайке. По всему выходило, что это тут такая форма одежды, типа фирменный стиль. Не хватало только нашивки на спине «ПГТ Ягодное».

– Меня зовут Нюра! Завхоз, – представилась она. – Мы уже стали думать, что вы не приедете.

– Да! Нам уже это сказали на въезде! – отпарировал Олег.

– Правда? А кто?

– Давайте не будем сейчас заниматься пустой болтовней! –

вступил Дмитрий. – Все устали, а у нас завтра спектакль... То есть, уже сегодня! Так что ближе к делу!

– Хм! – повела плечами Нюра. – Вот вам ключи от номеров. Разбирайте и заселяйтесь. Завтрак в столовой с 7 до 9.

Нюра подошла к журнальному столику, высыпала на него горстку ключей с бирками и обиженно вышла в ночь.

– Чего-то я сомневаюсь, что кто-то из нас встанет к завтраку... – высказалась Полина, которая была чиста, как слеза на Пасху, и являла собой воплощение наивности нашего театра. А еще она была ходячей совестью и пределом ответственности. И уж если она не собиралась вставать, то мы действительно дошли до края...

– Так! С завтраком мы что-нибудь придумаем! Не переживайте! – Лариса обвела всех взглядом. – Сейчас отдыхать, ближе к обеду соберемся, и я расскажу всю диспозицию. Вечером спектакль, надо выспаться.

Ключей было больше чем достаточно. Даже больше чем по одному на брата... ну, или сестру.

Олег, естественно, поселился с Анютой. Кстати, забыл сказать, что до его женитьбы мы с ним крепко дружили. А теперь было бы странно, если бы он променял свою жену на мое общество.

Ключ ушел к паре Антон и Юлиана. Они жили вместе практически с первого курса. Полная противоположность друг другу. Она бешеного темперамента и нервного характера, он спокойный до флегматичности, с внешностью героя

любовника.

Ключ – Дмитрию.

Ключ – Ларисе.

Катя, бывшая любовница Дмитрия, решила поселиться с Полиной.

Ключ взял Валерий.

Ключ прибрала к рукам Шурочка. Нынешняя пассия Дмитрия.

Ну, один ключ взял я... Зачем мне два?

На столе осталось лежать еще четыре ключа.

– А с ними что делать? – спросила ходячая совесть Полина.

– Пока у меня будут! – ответила Лариса и собрала их в карман.

Мы разбрелись по номерам. Все они были двух коечными и располагались на втором этаже в левом крыле здания, которое отделял от правого такой же холл, как и внизу, только вместо выступающего Ленина тут Суворов переходил через Альпы. Наши лица, как и лица солдат, были измождены. Я разделся, сбросил покрывало на соседнюю кровать и лег. Ни на что другое сил не было. На сон оставалось всего ничего.

Разбудил меня стук в дверь.

– Кто там?

– Это Лариса! Сбор в верхнем фойе через полчаса!

На часах было одиннадцать. Приняв душ и переодевшись в свежую одежду, я вышел в холл. Тут уже были все, кроме

Дмитрия и Шурочки. Мы расположились на диване и в креслах. Лариса ходила перед нами, нервно поглядывая на часы. Каждый исподтишка поглядывал на Катю. Она сидела как ни в чем не бывало и подпиливала ногти. После нескольких минут молчания она, не прекращая орудовать пилкой, произнесла:

– Чего вы как дураки на меня смотрите... Думаете, я не вижу? Хотите, я пойду и разбужу их? Хотите?

Все сразу же заговорили наперебой:

– Да ладно, Катя... Никто не смотрит... Я уже несколько раз стучала... Ты не нервничай... Может, они в столовой сидят?

В дальнем конце коридора открылась дверь, и все замолчали. Дмитрий вышел один. Вопросительные взоры теперь обратились к нему.

– А... – начала Лариса.

– Давайте начинать... – перебил ее худрук.

– Хорошо! Значит, ситуация, по моему мнению, следующая. Я звонила Захару Виленовичу, представителю организатора наших гастролей с ленинградской стороны...

Лариса выдержала паузу.

– Никто трубку не взял...

Мы зашушукались.

– Как так? – произнесла Полина.

– Наглость какая! – заключила Юлиана.

– Тихо! – произнес Дмитрий. – Не перебивайте!

– Спасибо! – откашлялась Лариса. – Возможно, что-то со связью... Сегодня вечером у нас спектакль в ПГТ Ягодное. Скорее всего, что поселили нас сюда специально поближе к площадке...

– Это что же получается? – в холл из коридора входила Шура. Как ей удалось так тихо выйти из комнаты Дмитрия, осталось для нас загадкой. Никто и не сомневался в том, что она была именно там. – Мы каждый день будем переезжать с места на место?

Опять заголосили все хором.

– Да!.. Это неудобно!.. мы не цыгане... шапито какое-то... Оторвать этому Захару голову...

Ну, и все в таком духе. Я чувствовал за моей спиной героическое дыхание Суворовской армии. Наверно, собрание наше надо было перенести на первый этаж. Органичнее получилось бы. Лариса подняла руку.

– У меня есть предположение, что это только сегодня. А завтра мы переедем в Питер, где и должны быть сыграны остальные наши спектакли. И еще я очень надеюсь, что Захар Виленович будет ждать нас в этом самом ПГТ Ягодное.

– Как мы доберемся до него? – спросил Дмитрий.

– На вчерашнем автобусе. Ахмед Касымович согласился нам помочь!

– Фух... – выдохнул Олег. – Хоть одна хорошая новость...

Вы же понимаете, что это был сарказм... Заголосили опять все.

– Ахмед?.. Я к нему не сяду... Это не автобус, а развалюха... Он нас не довезет... Ахмед? Это его имя?

– Да! Его зовут Ахмед Касымович. Он тут родился. Его предки строили Шлиссельбургскую крепость...

Это сообщение вызвало тишину, и все прониклись уважением к нашему шоферу.

– Это все меняет! – пробурчал Олег.

Хотел еще что-то добавить, но красноречивый взгляд Дмитрия заставил его замолчать.

– Ну, что же! Хоть что-то стало понятно! – подытожил худрук. – Каковы наши дальнейшие действия?

– В час у нас обед. А в два мы выезжаем. Сейчас без четверти двенадцать...

Тут в конце правого коридора открылась дверь, и на фоне окна появился мужской силуэт. Он постоял какое-то время в раздумье и направился в нашу сторону. Это был загадочный житель того самого окна, которое светило в ночи. Но контровой свет не давал его рассмотреть. Он двигался плавно, как пантера. Только половицы иногда поскрипывали у него под ногами. Его загадочная пластика притягивала внимание.

– Кто это? – прошептала Полина. В голосе ее слышался страх. – Я боюсь!

– Полина, прекрати! Что за глупости! – успокоила ее Кира, хотя было видно, что она тоже напряглась.

Еще пара шагов, и фигура окажется в освещенном хол-

ле. Валерий, который сидел рядом со мной на подлокотнике, медленно встал. Фигура остановилась в тени.

– Простите! Я вам не помешал?

– А вы кто? – спросил Дмитрий. В его голосе тоже слышалась тревога.

Еще шаг, и на свет вышел босой блондин с длинными волосами и голубыми глазами с обложки журнала «Плейбой». В расклешенных джинсах и клетчатой рубашке на выпуск.

– Меня зовут Егор. Я танцор! А тут я отдыхаю...

Был бы я слабой девушкой, влюбился бы в него с первого взгляда, что, собственно, и произошло, как выяснилось позже, со всеми нашими женщинами, но я был мужчина и возненавидел его в первую же секунду, в чем был солидарен с остальной сильной половиной нашей театральной семьи. Даже влюбленная в Дмитрия Шурочка пожирала Егора глазами. Даже Лариса, наш стальной директор, смотрела на танцора с нескрываемым интересом. А ведь он ей в младшие братья годился. Что уж говорить... Юлианна, верная Антону-красавцу с первого курса, покраснела и стыдливо спрятала глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.